

A close-up photograph of a hand holding a bright sun, creating a starburst effect. The sun is the central focus, with rays of light radiating outwards. The hand is positioned in the foreground, with the fingers slightly curled around the sun. The background is a clear blue sky. The overall mood is warm and hopeful.

16+

Уланова Варяна

Счастье дурака

Счастье познает лишь тот, кто устанет желать...

Заряна Владимировна Уланова

Счастье дурака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37674680

SelfPub; 2018

Аннотация

Как и каждый из нас, Прокл мечтает о счастье. А в помощь ему и откровение древней таблички, и великий дух в проводники, и небывалая удача, и писатель Павел Валерьевич Романов, отворяющий дороги магического мира. Но куда приведет героя мечта? И что общего у великого мага и русского рокера? И можно ли, играя словами, влиять на действительность? Об этом и пойдет наш рассказ....

СЧАСТЬЕ ДУРАКА

(пособие для желающих стать «звездой»)

Часть 1

ВЕТЕР В ЛИЦО

«Ты помнишь, как все начиналось...».

Машина Времени

Прелюдия

«Счастье познает лишь тот, кто устанет желать. Пройди звездным мостом в изумрудную страну. Обуздай коней Форконы...». И все. Больше ни слова. Прокл чуть не плакал, ощупывая костяную табличку, ища легкий завиток вырезной руны. Ни слова. Огонь не пощадил изречений великого Трола. Мальчик сидел на обгоревшем фундаменте библиотеки. Опускался вечер, восхитительный вечер в степях, шелестели пахучие усатые травы, просыпались звезды на небе....

А у Прокла перед глазами плясали не отсветы его маленького костерка, а эти лошади. Кони Форконы. Гордые, рыжие, блестящие, как кудри Вивеи, первой на деревне красавицы. Он смутно представлял себе, что такое лошадь, он не знал странного словечка «Форкона», но название его заворожило. Просто два года назад проходящий менестрель выучил

его читать. А вчера торговец кожами, напившись, болтал, что когда-то здесь, – здесь, в степи! – росли леса. И был город, перекресток восьми дорог. В этом городе жил Трол, великий мудрец, единственный из людей познавший, что есть счастье. С утра Прокл ушел в холмы на поиски. И к вечеру нашел.... Этот обломок кости!

Он не знал, что Форкона – злая судьба, только открывает перед ним свои конюшни.

Куплет

Написав это, я расслабился, развалился в кресле, откинувшись на спинку, и принялся чуть ли не по буквам разбирать отрывок, долженствующий стать началом моей новой книги. Чувство, которое я испытывал при этом, можно не очень точно охарактеризовать словом «блаженство», внутри меня искрил вулкан великолепного настроения, радужных надежд и безграничных возможностей. Да, я прекрасно понимал, что все хорошие вещи так начинаются, что впереди почти год подчас нудной и безнадежной работы, проверок, чистки, переделок, но сегодня.... Сегодня я был триумфатором.

Звонок вытащил меня из нирваны. Бросив последний взгляд на экран монитора, я слегка удивился тому, что уже пять вечера, сладко потянулся, и поплелся открывать.

На пороге стояла Катя.

– Хай! – сказала она, доброжелательно трясая старательно окрашенными рыжими волосами. – У тебя пиво есть?

Ее визиты были неожиданны и разрушительны, как землетрясение, но без нее жизнь была бы скучной. Иногда, в приступах благодушия, я даже называл ее своей музой. Не подумайте, никакого интима, моей музе только позавчера исполнилось пятнадцать. Стукнуло, как она выразалась.

Катерина пронеслась по квартире, игнорируя выставленные на видном месте тапочки и шлепая ногами в мокрых носках.

– Сыро на улице? – спросил я.

– Угу, – пробормотала она, роясь в холодильнике. – Крабовые палочки! Вкуснятина.

Ее бесцеремонность могла привести в бешенство. Или растрогать, в зависимости от настроения. А мое настроение сегодня принимало все ее выходки на ура.

– Вот! – решительно выгружая на стол четыре бутылки «Клинского», крабовые палочки, майонез и банку сладкой кукурузы, выдохнула Кэт. – А чего ты стоишь? Где у тебя хлеб?

– В хлебнице, – игриво прогнусавил я. – Возьми сама, самостоятельная ты наша. Я работаю.

Ради такого стоило вкалывать ночи напролет! Кэти забыла про еду, выпрямилась, и лицо ее даже как-то ... высветилось, что ли. Глаза стали темными провалами в неведанное, и оттуда хлынула такая радость, что я окончательно почув-

ствовал себя гением.

– Покажи! – завизжала она и бросилась к компьютеру.

Впрочем, особо бросаться было некуда, я живу в обычной двухкомнатной квартире девятиэтажного панельного дома. Вполуха слушая привычную тысячу вопросов: «А кто такой Тролл?», «Что ты сделаешь с Проклом?», «У него будет любимая девушка?», «Как ты ее назовешь?» (Кэти любила мелодрамы, подозреваю, тайком почитывала любовные романы), я открыл кукурузу, вывалил ее в миску, покрошил туда же крабовые палочки, заправил майонезом, сунул в салат две ложки и поставил его на столик перед компьютером.

Кэти наконец оторвалась от текста, но, как ни странно, салат есть не стала.

– Павел, – неуверенно начала она, – я, вообще-то к тебе по делу.

– Да? – немедля насторожился я. – И какому?

Она как-то обращалась ко мне за «помощью». Просила взять на хранение четыре стакана травки. Наркоманкой, насколько я знаю, Кэти не была, но ее окружение, «туссня», по ее собственному выражению, обязывала. Тогда я отказался. И теперь подумал, ну что за беда с девчонкой, зачем ей все это?

– У меня есть знакомый, – очень медленно, по-видимому, тщательно подбирая слова, ответила Кэт. – Он твой фэн, прочитал все твои истории....

– Кэти, – сурово оборвал я, – мы же договаривались, ни-

каких протезе!

– Он пишет песни, – быстро сказала она.

Я изобразил нескрываемое удивление.

– Вот как?

Знаю я эти их «песни»! Мат через слово.

– Да, – испуганно затараторила Кэти. – Павел, честное слово, клянусь тебе, у него классные песни. Послушай, а? Ну что тебе стоит?

– На фига? – спросил я грубо. – Я писатель, я все равно в этом ничего не понимаю. – Кэти, покусывая губы, тоскливо разглядывала пол. – Ты что, пообещала ему?

– Да, – с самым что ни есть разнесчастным видом ответила девчонка.

Ну и что с ней делать?

– Как его зовут?

Кэти взвизгнула и, подпрыгнув, повисла на моей шее.

– Спасибо, спасибо, я знала, что ты согласишься! Он....

Через пятнадцать минут я знал о нем все. Его зовут Игорь, он играет на гитаре с четырнадцати, в одиннадцатом классе написал первую песню, сейчас ему двадцать один, учился на гитариста в колледже искусств, исключили за не посещаемость, играл в трех группах чужие песни, но ничего не вышло, сейчас сколачивает свою, от меня же ему ничего не нужно, только чтоб я послушал его песни и сказал, что о них думаю, ему это очень важно.

В каждом слове Кэт сквозил нескрываемый восторг и чуть

ли не влюбленность в этого Игоря. Во мне зашевелилось нечто, странно напоминающее ревность.

– Интересное кино, – пробормотал я. Не знаю, расслышала ли меня Кэт.

– Он очень любит эту группу, – сказала она. – Его даже сравнивают с Цоем.

Единственное, что я принимаю из русского рока, это ДДТ и, пожалуй, Чиж, да и то не полностью.

– Лады, – поморщился я, усаживаясь за компьютер. – Тащи сюда своего «Цоя». Только завтра, часиков так в восемь. Мне нужно работать.

– Мне уйти? – Кэти показательно обиделась. Знает же прекрасно, что у меня язык не повернется ее выгнать!

– Нет, конечно. Только посиди негромко. Музыка какую-нибудь поставь, – я кивнул на полку с компакт-дисками. – Только не слишком живое, сейчас нужно другое настроение.

– Это я уже поняла, – отмахнулась она, выбирая диск. – Ты хочешь сделать трагедию....

– Мелодраму, – фыркнул я.

– Нет повести печальнее на свете....

– Чем повесть о закрытом туалете, – продолжил я, и мы рассмеялись. – Нет, Кэти, никаких love story, тут совсем другая мораль.

– Мораль? – презрительно фыркнула она. Дисковод унес диск в недра системного блока, и через мгновение из колон-

ки раздался тихий перебор гитарных струн. «Don't you cry», «Гансенс роузиз». Да, умница моя, это как раз то, что сейчас надо.

– Именно мораль, – уверенно продолжил я, медленно и с чувством нажимая клавиши. – Представь себе, человек ищет счастье. Гонится за ним по белу свету, отказываясь ради него от всего....

– Короче, придурок, – безапелляционно заключила Кэт. – И как ты назовешь эту нетленку?

Кажется, я разозлился. Но... именно для этого нужна мне несносная моя муза, – она не дает расслабляться. Не позволяет «почить на лаврах», я прекрасно понимаю, что мое творчество умрет, если однажды я сочту, что достиг вершины.

– Понятия не имею, – буркнул я. – Потом придумаю.

– Ну и назови ее «Счастье дурака», – вдумчиво предложила Кэт.

– Гениально! – хмыкнул я. – Вот только, милая, в этом названии нет глубины. Все просто и ясно. Не кассово.

– Ты же сам говорил, что не гоняешься за деньгами.

– Ага. Я гоняюсь за счастьем.

Кэти заливисто рассмеялась, взъерошила мне волосы. Диск уже вовсю шпарил Queen, «Show must go on».

– Павел, все гоняются за счастьем, и все хоть раз побывали в дурацком положении. Кинь им приманку.

Признаться, мне было все равно, а Кэти уже не раз выру-

чала меня, прошлую книгу я тоже назвал по ее совету. Это был очень удачный проект. Я перегнал курсор на начало листа, сменил шрифт и большими буквами напечатал «Счастье дурака». Кэти захлопала в ладоши.

– Жребий брошен! – гордо промолвил я.

Рыжая девчонка принялась за салат. *Suum cuique*, как говорили древние, каждому свое.

Припев

Из дома Прокл выбирался ночью, когда все уже легли спать. Третья и седьмая половицы в сенях скрипели, и он, переступив их, едва не упал на кадку с кислой капустой. Пошатнулся, но удержался на ногах, приотворил тяжелую дверь, проскользнул в щель и птицей слетел с крыльца навстречу ночному миру.

Дома остались любящие отец и мать, старший брат и младшая сестренка, размеренный быт, обеспеченная, мирная, долгая жизнь. Впереди ждали бессонные ночи и голодные дни, нехоженые тропы в непроходимых лесах, хищные звери, озверевшие люди, постоянная борьба за выживание. Только Прокла совсем не пугали опасности, поджидавшие за крепким деревенским тыном. Ему светила звезда изумрудной страны, имя которой было – счастье. И мальчик верил, что однажды возьмет ее в руки.

Когда взошло солнце, не видать было даже холмов, в которых затаилась родная деревня. Вокруг, в тонком мареве источникаемого почвой пара, зеленела бесприютная степь. Прокл шагал на запад по одинокой проселочной дороге. После завтра ближе к вечеру, если не сбавлять шага, он должен был придти в Снабу, а там и до Ваннабы – рукой подать.

Прошлую неделю стояла жара, перемежаемая ночными ливнями, почва разбухла, и теперь вдоль дороги часто попадались глубокие разливные лужи, кишасщие насекомыми. Ближе к полудню мальчик нашел ручеек в неглубокой балке, о котором ему рассказали кусты дикой маслины, резко выделявшиеся в окружении выгоревшей под безжалостным солнцем травы. Перекусил хлебом с солью, запил водой. Он еще даже не запыхался, поэтому, не отдыхая, пошел дальше. Выгоняя овец, приходилось делать гораздо большие переходы.

Постепенно начали появляться деревья, затем рощи; Прокл поднимался к синеющим предгорьям, которые словно медленно всплывали на поверхность плоской степи, и теперь обещали прохладу изнывающему от зноя телу. Мальчик пошел быстрее, и сам не заметил, как свернул с дороги. Почти сразу появилась ведущая в нужном направлении тропка, ластящейся собачонкой бросилась под ноги. Она не выходила на солнце, то ныряя под деревья, то скрываясь в тени кустарника, на ее белое, обмытое ливнями змеиное тело просыпались иголки сухой хвои, в которых копошились мура-

ши. Прокл скинул тяжелые башмаки на деревянной подошве, перевязал влажные от пота кожаные ремешки, подвесил их к котомке на палку и вприпрыжку помчался по тропинке. Босые пятки радостно шлепали по слежавшемуся песку, уса-тые травы щекотали лодыжки, на тропинку косо ложились солнечные отсветы, над которыми, будто над чудесными цве-тами танцевали голубые мотыльки, и Прокл чувствовал себя счастливейшим человеком на свете.

Уже опускался вечер, когда тропинка привела к высоким раскидистым кустам алычи и ... оборвалась. Потерявшийся мальчик испуганно оглядел совершенно незнакомые места, прислушался к шороху прошлогодней листвы под чьими-то тяжелыми лапами; он уже был близок к тому, чтобы бросить-ся назад, но тут вспомнил Трола. Подумал о том, каково бу-дет несолоно хлебавши вернуться в деревню. Порывшись за пазухой, достал табличку, подвешенную на длинный черный шнурок, и в гаснущем дневном свете еще раз прочитал вы-битые руны. Затем надел башмаки, тяжело выдохнул и реши-тельно раздвинул колкие ветви кустарника.

За алычой росли старые темные липы. Прокл прошел за деревья, они едва слышно всколыхнулись, нехотя расступа-ясь, и мальчику открылось небольшое идеально круглое озе-ро. Его окружали цветущие фиалки, в глубокой зеленоватой воде смеялось ясное небо; отражения деревьев, цветов, тра-вы служили рамой для этого лазурного сияющего зеркала, и даже замшелые липы показались Проклу колоннами како-

го—то дворца или храма. Меж ними, постепенно сгущаясь, собиралась золотистая дымка: то ли туман, подсвеченный закатными лучами, то ли еще что. Уставший мальчик бросил палку с котомкой и башмаками, разделся, и по пологому берегу побежал купаться.

От его тела зеркальную поверхность рассекли круги и, стоило им достичь середины, как из озера что—то фонтаном выстрелило вверх! Вода забурлила, словно там, в сразу потемневшей, замутившейся коричневой глуби, металось раненое чудовище, и устремилась к мальчику.

Героем Прокл не мнил себя никогда. Это дома, в теплой постели, наслушавшись бродячих певцов, вольно было представлять себя сражавшимся хоть с вепром, хоть с драконом, хоть с любым из порождений Ханга.

Мальчик заорал от непередаваемого ужаса, выскочил на берег и, забыв и одежду и дорогу, рванул в заросли. Почти сразу он споткнулся и упал, поранив ногу, съежился, закрыл голову руками и лежал так некоторое время. В лесу было тихо. Где-то в ветвях, совсем рядом тренькал зяблик. Чуть погодя к птичьему гомону примешался тоненький комариный писк.

Ну, питать чудовище не могло. Поэтому Прокл открыл глаза и даже поднял голову. Вокруг него летало странное зеленоватое с серебринкой довольно крупное насекомое.

– Дорога справа от тебя, – пропищало насекомое почти человеческим голосом. – Возвращайся, не то заблудишься.

Говорящее насекомое, конечно, было волшебным, и Прокла разобрало любопытство.

– Э, а ты кто? – спросил он, садясь на колени и осматривая ободранную голень. Ссадина оказалась пустячной.

– Великий дух, – пропищал комар. – Скоро стемнеет, так что не тяни, иди на дорогу.

Мальчик так и покатился со смеху.

– Ты? – кричал он. – Ты, пискля, великий дух?! Вот умо-ра! Да я тебя одной ладонью!

Насекомое вспыхнуло... и через мгновение над Проклом навис человек ростом с дерево, одетый в радугу, зеленоглазый и серебряноволосый. Как есть, великий дух.

– Смертный, если у тебя хватило ума потревожить Зеркало Дайвоны, делай, что говорят! – Прокл молча кивнул. Он сделался блее мела, и от страха его разбирала икота. – Вот твои вещи, – в траву перед мальчиком упали его рубашка, штаны, башмаки и котомка. – Одевайся и иди!

Прокл торопливо собрался и бросился в заросли.

– Не туда! – крутанула его невидимая сила. – Вот теперь иди!

Пройдя с полсотни шагов, мальчик увидел свою прежнюю дорожку. Великий дух уменьшился, и над Проклом снова занял волшебный комар.

– Эй, – несмело окликнул его мальчик. – А ты чего не возвращаешься?

– Отныне я к тебе приставлен! – обрадовал комар.

Прокл остановился, как вкопанный.

– Не, слушай, так не пойдет, – сжав для крепости кулаки, объявил он. – Я иду один.

Наставники ему не нужны были даром. Только-только Прокл сбежал из Омтейна, свободы хлебнул, и тут.... Комар начал медленно увеличиваться в размерах.

– Смертный..., – услышал Прокл угрожающее и торопливо добавил:

– Но от попутчиков не откажусь.

– Молодец! – одобрил дух, летая над ним и пища. Тонко и заунывно. Бредя назад по дорожке, по которой он еще недавно так стремился навстречу приключениям, Прокл думал, что гаже великих духов ничего в жизни быть не может. Он ошибался.

КУПЛЕТ

– С добрым утречком, Павел Валерьевич! – приветствовал я себя, нащупывая на тумбочке надрывающийся будильник. Голова раскалывалась, она-то знала, что утро добрым не бывает. – Подъем!!!

Будильник наконец заткнулся. Вовремя – я уже искал, чем бы по нему грохнуть. А теперь – в ванную, одеться, позавтракать, выпить кофе – и на автобус. Бегом! Это в Москве писатели могут позволить себе жить на гонорары, а с моего издательства стясти лишний грош – почти то же, что дока-

зать знаменитую теорему Ферма. Многие пытались, да бесплодно. Вот и приходится работать не по профилю. Вот и вкалывают фантасты программистами. Фантастика!

Лифт не работал, лампочку в подъезде так никто и не крутил. Я толкнул разбитую дверь, скрепленную поперек листом ржавой жести, и вышел на улицу. Весна уже съела сугробы, грязный ноздреватый снег в тени козырька подъезда таял, обнажая загаженную мусором, окурками и собачьим дерьмом землю. Хотя было только начало седьмого, под фонарем уже прогуливались две тетki с шавками, насколько я успел разглядеть, таксой и ротвейлером, тщаь оттянуть собачек от помойки. Светало, морозный ветерок гнал ночь за город.

У соседнего подъезда я увидел Кэт в компании нескольких подростков.

– Твой старикан идет, – громко сказал один из них.

Девчонка обернулась и приветственно поняла руку. Ну и приветики, – подумал я, – совсем как у наци. Проходя мимо, я улыбнулся ей и кивнул.

– Павел Валерьевич, – окликнул кто-то из ребят.

До автобуса еще оставалось время, я подошел. Их было четверо, все в черной коже с металлическими наклейками, у того, кто повыше, волосы выкрашены красными полосами.

– Прикурить не дадите? – напористо спросил светленький невысокий крепыш в бандане. – А то зажигалка сломалась.

Я без возражений вытащил свою «зиппо» и почтую пач-

ку Петра. Дал прикурить, закурил сам. Они казались мне существами с другой планеты: интересно и боязно.

– Меня зовут Крэш, – сказал крепыш. – Это, – он кивнул на русого длинноволосого парня справа, – Стас, – следующий, чернявый и тощий, оказался Витьком, а разноцветный – Крысом.

– А почему Крыс? – спросил я.

– Крысит много, – выпалил Витек, и все рассмеялись.

Я ради вежливости улыбнулся и посмотрел на часы. До автобуса оставалось девятнадцать минут. Дурацкая привычка выходить заранее!

– У вас офигенные книги, – выразительно сказал Стас.

Ну и что, я теперь должен прыгать от радости?

– Спасибо, – поблагодарил я и увидел Кэти. Она давилась смехом, не иначе сама устроила весь этот цирк. Так сказать, знакомство поколений! Я хотел поинтересоваться, пойдет ли она сегодня в школу, но вовремя понял, насколько нелепо это будет выглядеть в глазах ее компании. Вот ведь странное дело: они мне не нравились, но их мнение меня заботило. Они выглядели слишком свободными, а я, человек правил, всегда был равнодушен к свободе.

– Вы приходите в наш клуб, – басовито пригласил Крыс.

– А где это?

– Кафе «Орда», знаете?

– Ладно, – сказал я, радуясь, что можно закругляться. – У меня сейчас автобус. Счастливо.

– Пока, – хором протянули они, и я заторопился к оставке.

– А он ничего, – хмыкнул Крыс, едва спотыкающийся на подтаявшем льду силуэт писателя скрылся за углом дома. – Вобла сушеная. С пивом покатит.

– Не глуми, Крыс, он классный, – протянула Кэти.

– Как такое ч–чудо может писать такие крутые вещи? – немного заикаясь после травки, выразил Витек мнение всей честной компании, «орды», как они сами себя называли. Ребята еще немного поторчали у подъезда, поохмили, обсуждая писаку, и разошлись по делам. Заканчивалась очередная угарная ночь.

–

– Рад видеть в добром здравии, Пашок, – Михаил Борисович, генеральный директор ООО «Алдан», зашел в подсобку. Даже не зашел, а ввалился, он был на полголовы выше моих метра восемьдесят, и шире меня раза в два точно. Голос выдавал десантное прошлое.

– Ты б еще Пухом назвал, – проворчал я. В далеком школьном детстве я был повыше Мишки, поплотнее и хулиганистее, и нас с ним, отличником по математике, белобрысым робким очкариком навсегда окрестили Винни Пухом с Пятачком. Потом Мишка пошел на каратэ. Потом начал мыть машины. А после армии, продав оставшийся от бабки в наследство дом в Суздале и отцову «Волгу», купил малюсенький киоск в дальнем углу рынка. Пять лет он занимался

всем, от приема стеклотары до разведения песцов, пока не вышел на золотую жилу – компьютеры.

А моя необузданная фантазия нашла выход в придуманных мирах. И теперь я Мишке завидовал. Он умел жить по-настоящему.

– И назову, – хмыкнул Мишка. – Был кто сегодня?

– Жена нашего нового русского, – рассмеялся я. – Как в анекдоте, мерс, сотовый, охрана, грудь...хм... Памела Андерсон умерла бы от зависти. Покупала сынишке компьютер. На день рожденья. Сынишке три года.

– Какой? – деловито поинтересовался Михаил Борисович.

– Конечно, самый лучший, – я вывел на экран таблицу со списком товаров. – Процессор пентиумовский, «селерон», четверка, семнадцатидюймовый монитор, модем, клавиатура, мышь, коврик, все как полагается.

– Установил?

– Обижаешь, начальника, – с нарочитым азиатским акцентом произнес я. – Моя установила, да, и в «Телеком» ребятам позвонила, да, чтобы Интернет подключили.

– Твоя молодца. Закрывай свою мигалку, Паша, пошли в кабинет, кофейку с коньячком разопьем. И вообще, делу, как сказал Великий Петя, быть.

Я выключил компьютер, вылез из кресла и... наткнулся на исследующий взгляд Мишки. Несколько минут он изучал мою шевелюру, лицо, бежевый свитер, руки в пятнах чернил, брюки, ботинки, затем ухмыльнулся и проворчал:

– Пух! – в этот момент Михайло Потапыч, как за глаза звала его вся наша контора, до странности напоминал тихого с заумью Пятачка. Я вздохнул.

Кабинет у Мишки был шикарный, умело и старательно навешивающий любого посетителя на мысль о безграничных возможностях фирмы. Тут вам и антикварный стол с бронзовым бюстом Наполеона, выдержанные в том же стиле шкафы для книг и документов (их, насколько я знаю, доводили до ума умельцы с местной мебельной фабрики), картина на стене, копия Рейнольдса, за картиной, разумеется, был сейф, под картиной – диван, ну, и три креслица ампир. Светло-коричневые обои с незапоминающимся рисунком, зеленые плюшевые шторы, зеленая обивка, мягкий свет....

Я сел на диван. Секретарша Светочка: 90–60–90, кукольное личико, стильная стрижка и воркующий голосок, принесла кофе, забрала две папочки со стола и упорхнула. Я невольно проводил ее взглядом, в полупрозрачной белой блузке и черной мини-юбке она была невероятно соблазнительна. Не сомневаюсь, все мужчины глазели ей вслед. Знали б они, что Мишка откопал это чудо на панели, избитое и затраханное до потери пульса. Мишка вечно подбирал кого ни попадя.

Мишка вынул из бара неполную бутылку коньяка, затем открыл маленький, тщательно спрятанный морозильник, выложил лед на фарфоровое блюдечко. Он пил кофе только со льдом, а вообще предпочитал чай, причем заваривал его соб-

стенноручно, и чуть ли не с японским пиететом. Светочка оказалась душечкой, минут через семь принесла бутерброды с ветчиной и с икоркой, я вдруг понял, что проголодался, в животе предвкушающе буркнуло.

– Павел Валерьевич, еще что-нибудь желаете?

С таким голосом не в офисе работать, а в службе «секс по телефону». Я смотрел в ее серые восхищенные глаза и чувствовал себя ну очень крутым. Но мне–то ничего, я к ее штучкам привык, зато представляю, каково приходилось клиентам фирмы. Знал Мишка, кого по венерологам таскал, почти штуку баксов вложил в путану – и такая отдача!

– Спасибо, Светочка, на сегодня все, – ответил за меня шеф. – В «Телеком» только звякни, поинтересуйся, подключили ли они Сафронову в интернет, – и можешь ехать домой.

Я наклонил голову, пряча улыбку. Света была Мишкиной любовницей и жила у него.

– До свиданья, – многообещающе пропела Светлана и закрыла за собой двери.

Несколько минут мы молча ели, а я все пытался найти причину, по которой Мишка позвал меня сюда. Вообще–то офис у него предназначался только для торжественных случаев. Если бы ему просто захотелось поговорить со мной, завалились бы в «Тридевятое» и под пивко обсудили бы все, что на душе накипело. Долго гадать мне не пришлось. Мишка поставил чашку, присел на угол протестующе скрипнувшего антиквариата и, отвлеченно глядя в окно, медленно

сказал:

– Слышал, ты на малолеток перешел.

От изумления я подавился бутербродом. Закашлялся.

– Я... Ты откуда вообще это взял?

– Знать, Пашенька, это мое хобби, – очень даже ласково ответил мне Коготок Михаил Борисович. – Потому что моя контора зависит от того, насколько много я знаю. А от того, будет ли существовать моя контора, зависит и твой хлеб с «Рамой», и мой кофе с коньячком. Ведь ты не хуже моего помнишь, что продаем мы «мусор».

Да, я об этом знал. «Золотая жила» была полулегальной, но какое дело в России может считаться полностью честным? Компьютеры Мишке привозили из Германии, иногда из Голландии. За рубежом на крупных фирмах при обновлении оборудования старье выкидывается на свалку. Этот, по их понятиям, «мусор» еще очень даже работоспособен, и Мишкины партнеры (кто они, я и сам не знал, хотя и был наслышан) фурами отсылали «мусор» сюда, к нам на фирму. Таможню компьютеры проходили металлоломом, поэтому сборы мы платили известно какие, а здесь сбывали их как новые. Конечно, продавали мы и абсолютно новое оборудование, но покупали его гораздо ближе – в Москве.

– А при чем здесь я? – удивился я.

– А при всем при хорошем, Паша. Трахай ты кого угодно, хоть половину городу отымей – это не мое дело. Но если твоя Лолита однажды накатает в ментовку, что ты ее изнаси-

ловал... не имеет значения, оправдают тебя или нет, но малейший интерес к нашей конторе ребят в форме – и с нами рубят тросы. Поставок больше не будет, потому как на Западе за такой бизнес офигенные штрафы, а наши немцы очень осторожны. Да и нам самим очень повезет, если таможня не проверит бумажки на месте.

Мишка, волнуясь, ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговицу белой рубашки. На его породистом русском лице, обрамленном мягкой светло-русой бородкой, в кажущихся небольшими из-за очков зеленоватых глазах проступило чуть ли не отчаянье. «Да-с, – подумал я. – В сложную ситуацию ты попал, Пятачок. И друга не хочется куска хлеба лишать, и дело свое дорогого стоит».

– Миша, – спокойно и доверительно начал я. – Это просто моя знакомая. Поклонница. Ей только пятнадцать (в глазах Мишки мелькнул ужас). Я с ней не сплю. Катя для меня маленькая девочка, соседка по лестничной площадке. А скандал раздувает ее мать, алкоголичка, я, дурак, однажды ей на водку не дал.

– Паша, ты же знаешь, по закону....

– Миша, обещаю тебе, никто никуда не побежит жаловаться. По словам Кати, у нынешнего сожителя ее матери две судимости. Так что Глафире Львовне только и остается, что отравлять мне жизнь исподтишка.

Мишка подошел, положил руки мне на плечи – две огромные, поистине медвежьих лапы, на безымянном пальце пра-

вой серебряный перстень с черным ониксом, я сам себе начал казаться маленьким и незначительным. Пятачком.

– Пух ты, и больше никто, – с грустью сказал он, – знаешь, почему я всегда на плаву? Правило у меня есть – никогда не браться за дело, которое не приносит скорых и обильных результатов. А ты всегда вкладываешься в пшик. Ну, не ладится у тебя с бабами, зачем же снова и снова суешь свой глупый хрен в осиное гнездо? За каким медом?

– Михаил Борисович, это мое дело, – красный как рак, отрезал я.

– Твое? – усмехнулся Мишка. – Я не попрекаю, Паша, но ты сам знаешь, на твое место я мог бы взять кого угодно, тем более что ты не так уж и силен в программировании. Но я думаю, что мы не чужие люди, а вот ты....

– Михаил Борисович, я думаю, мы полностью обсудили этот вопрос, – распалился я. – Если я вам не подхожу, я сегодня же напишу увольнительную!

Мишка потрепал меня по плечу и оттолкнул.

– Дурак ты, Паша. – Я, признаться, и сам чувствовал себя полным идиотом. – Вспомни-ка... Ирину.

Сердце предательски дернулось, комната наполнилась звенящей тишиной. Ирина, Иришка, Иришечка, где ты сейчас, моя ласковая? Сука подколодная. Темноволосая, черноглазая, высокая, тоненькая, смеющаяся. Ирина Омаровна Рахметова. Моя бывшая жена.

– И скажи мне по совести, Паша, прав я или нет, – доба-

вил Мишка сочувственно, у меня, наверное, на лице было написано все, что я пережил за те адовы два года.

– Прав, Миша, – кивнул я, тяжело поднимаясь. На бутерброды с кофе даже смотреть не хотелось. – Сколько сейчас, шесть? Надо отпускать народ и закрывать лавочку. Я пойду.

– Паша, а давай-ка сегодня Людмилу навестим, – с напускным оживлением предложил Миша. Он разволновался. – Она девочек пригласит, кутнем....

– Хватит, все нормально, – отрезал я зло. – Я все понимаю. Сам дурак. До завтра, Миша.

– Завтра суббота, – печально сказал Мишка.

Я почувствовал себя виноватым за свою резкость. Мишка все-таки лучший друг.... Но на хрена же было Ирину вспоминать?!

– Тогда до понедельника, – улыбнулся я. – Кутежа сегодня не получится, ко мне в восемь пацан один придет – знакомиться со знаменитым писателем. Такой спектакль упускать нельзя.

У Мишки явно полегчало на душе.

– Ладно. Звони, если что.

– Ага, и ты, – кивнул я и вышел из офиса.

Ни продавщицы, ни кассира уже не было. Уборщица, баба Клава, домывала последние полметра перед дверьми на улицу. Проходя мимо, я поздоровался, спросил о самочувствии, как обычно. Настроения не было. Бабка, кряхтя, сказала, что стара, но еще выдюжит. Молодец бабка, – подумал я. Пол

блестел, как стеклянный. Ни пылинки, ступить страшно. Я оделся, закрыл подсобку и пошел на остановку.

Моросил дождь. Было мерзко, туманно и слякотно, нахолодившиеся под зонтами люди в темном демисезонном, нахолодившиеся голуби. Брызжа грязной водой, мимо неслись машины. На другой стороне был рынок, там, несмотря на непогоду, толпился народ. Я, невольно начав подбирать слова, глядел на пробившуюся на проталине у теплотрассы траву, на такую в этот час яркую желтую банановую корку, которую поток воды крутил на решетке водостока, когда подъехал уже полный автобус. Люди штурмовали вход, я вскочил последним, какая-то тетка с кошелкой прижала меня к дверям. Прошла кондукторша, вытурила мужика без билета. Чтобы он прошел, мне пришлось вылезти прямо в лужу. Ноги тут же промокли. Я уже начал ненавидеть этот день. Постепенно, чем дальше от центра, тем меньше становилось пассажиров, почти все рассосались. Моя остановка была предпоследней, я выскочил, добежал до дома, о том, что в восемь ко мне кто-то придет, даже думать не хотелось.

Как только дверь квартиры закрылась за моей спиной, и раздался щелчок английского замка, напряжение отпустило, сменившись щемящей тоской. Я пошел на кухню, поставил кофе, вытряс на сковороду утреннюю кашу, порезал туда колбасы, вбил яйца. Пока грелся ужин, переоделся, рассеянно включил компьютер, поставил диск «Scorpions». За окном город зажигался первыми огнями, капли скользили

по стеклу. Все было совсем как в тот далекий летний день. Ирина, Иришка, Иришечка....

В июле вышла моя первая книга. Какая этому предшествовала волокита, даже вспоминать не хотелось, да и успех нельзя было назвать грандиозным. Гонорар приходил из издательства кусками, книгу брали, она, что называется, попала в струю, но бестселлером так и не стала. Я, впрочем, гордился собой невероятно. Заканчивался третий день августа, шел дождь, по видео перхал выстрелами какой-то нудный боевичок, когда в дверь позвонили. На пороге стояла красивая девушка в светлом плаще, мокрая, без зонта, прижимая к груди мою книгу, завернутую в целлофановый пакет, с побитой дождем бордовой розой в руке. ОНА, одним словом.

Я был ошарашен. Она спросила, я ли Павел Валерьевич Романов и, получив положительный ответ, протянула мне розу. Затем высвободила книгу из целлофана и попросила автограф. Я предложил ей кофе, а спустя два месяца бурного романа – руку и сердце.

Год прошел на облаках. Ирина была чеченской беженкой, я забрал ее из затхлой общаги, мы жили в центре, в огромной квартире дома застройки начала века, доставшейся мне от родителей. Я дарил ей цветы, писал для нее стихи, я посвятил ей вторую мою книгу, роскошную романтическую историю с хэппи-эндом. С тех пор у моих книг не было счастливых концов. Иришка–хвастунишка мечтала вслух о мехах и бриллиантах, известности и сладкой жизни, а я таял от ее

смеха, не замечая, что в ее мечтах не оставалось для меня места. К тому времени я уже работал у Мишки, и мог покупать ей столь любимые ею драгоценности. А потом... однажды я пришел с работы и встретил ее на пороге, куда-то собравшуюся на ночь глядя.

– Я развожусь с тобой, – глядя в пол, отчеканила Ирина. – Вот возьми, это повестка в суд. Через две недели.

Таким вот я был идиотом. На суд явился ее новый ухажер, Алик Берберов, тогда только набиравший обороты. Ирина была влюблена, как кошка. Она отсудила у меня квартиру, в которой мои родители прожили всю свою жизнь, этого я ей никогда не прощу! Не помню, как я вышел из суда, Мишка посадил меня в машину и повез к себе. Две недели я ходил в трансе, затем появилась холодная ненависть. Я продал книгу, распродал мебель, занял у Мишки денег (Мишка, добрая душа, хотел дать три тысячи баксов за здорово живешь) и купил квартиру, в которой сейчас живу. Досталась она мне дешево, так как район почти на окраине, да еще и пользуется дурной славой, хватает тут и пьянчуг и наркоманов. Об Ирине я ничего не знал, и знать не хотел. Алик раскрутился, держал рынок, где Мишка когда-то владел киоском.

Я писал, как сумасшедший: не умея пить запоями, уходил в забытие слов и образов. Появилась известность, достаток. И... судьба сама отомстила за меня. Как-то в феврале в дверь позвонили, я открыл и увидел Ирину. Она пришла занять денег, умоляла на любых условиях дать ей десять тысяч дол-

ларов. Я отказал. Тогда она разрыдалась. Она жутко выглядела, измотанная, растрепанная, почти утратившая все свое обаяние, и я с удивлением понял, что эта Ирина абсолютно мне безразлична.

Оказалось, Алик кого-то кинул, его похитили и требуют выкуп, двести тысяч зелеными. Ирина продала квартиру, машину, драгоценности, сняла деньги со счета, но для полной суммы десяти тысяч не хватило. А теперь Алика убьют, а она жить без него не может..., ну, и так далее. Она пыталась занять денег у Мишки, но тот просто матом послал ее куда подальше. Она боялась идти ко мне, но не знала, что ей делать.... Она любит Алика....

Я закрылся и некоторое время стоял, прислушиваясь к всхлипам, затем в дверь начали истерично колотить. Пришлось открыть. Ирина орала, что я слизняк, ничего не понимаю в жизни, даже бабу не могу удержать.... Я ударил ее, сам не понимаю, как. Впервые на моей памяти в ее глазах появилось уважение. Затем она повернулась и молча пошла к лифту. Я дернулся было остановить, но заставил себя закрыть дверь.

Через два дня в лесополосе нашли труп Алика. Я смотрел в новостях, как грузят на носилки его обезображенное ранами тело, и чувствовал себя убийцей. Было страшно. Час не мог найти себе места, затем позвонил Мишка, мы куда-то поехали, пили всю ночь, сняли девочек, пили еще два дня. И что-то отпустило. Я месяц не подходил к компьютеру, за-

тем вдруг, разом сочинил историю о наемном убийце, работавшем в параллельных мирах. Вот это был настоящий бестселлер. Еще через полгода, возвращаясь домой с работы, на площадке я увидел рыжую девчонку, сидевшую на сундуке, в котором соседи хранили картошку.

– «Между мирами» ты написал? – спросила она.

– Меня зовут Павел Валерьевич, – ответил я строго.

– Привет, – засмеялась она. – Я – Кэт.

–

Из кухни потянуло горелой кашей, и я очнулся, побежал снимать с огня сковородку. Слава богу, есть было можно, я наложил ужин в тарелку, а сковороду с коркой горелой каши сунул в мойку – откисать. Затем развел чашку растворимого кофе и побрел к компьютеру. До восьми оставалось еще полчаса, и я думал хотя бы поглядеть уже написанное, но ровно через пятнадцать минут в дверь позвонили.

– Ну, терпенья не хватает! – прошипел я, с трудом отрываясь от текста. В неосвещенную прихожую впорхнула Кэти, на ходу стягивая стоптанные боты, следом молча шагнул довольно высокий парень в кожаной куртке с гитарой наперевес, поздоровался. – Добро пожаловать в мои пенаты, – усмехнулся я. – Раздевайтесь, проходите, садитесь...

Парень неуверенно прислонил гитару к стенке, снял куртку и теперь держал ее в руке, не зная, куда девать. Кэти тут же расхозяйничалась, открыла шкафчик, повесила одежду на вешалку. Я повздыхал о потерянном вечере, но делать бы-

ло нечего, сам виноват, да и к гостям следовало проявить элементарное внимание; пошел, показывая дорогу, включил свет и выключил музыку. Игорь чинно сел на диван, положив гитару на колени, Кэти вскарабкалась с ногами на любимый подоконник. Некоторое время мы молчали.

– Я забыл взять тексты, – покраснев, сказал Игорь.

Кэти поглядела на нас, как на Онегина с Ленским, причем я, кажется, был Онегиным. Я вальяжно так кивнул.

– Бывает....

Помогать «самородку» не было ни малейшего желания. Захочет – выкрутится.

– Давайте, я вам спою! – с вызовом предложил Игорь.

– Ну, спой.

В глазах парня сверкнула злость, и я почувствовал неожиданное удовлетворение, будто расплатился за скомканный день. А он взял гитару, пробежался по струнам, и как-то сразу от его неуверенности не осталось и следа. После почти невесомого вступления бой показался мне чересчур резким.

– Встаем на раз,

Зачинщики историй,

Мы ловим дикий кайф (я поморщился)

От нашего труда! – с напором продолжил Игорь. У него был действительно великолепный голос, никакие модуляции, зато жесткий густой тембр с лихвой искупал недостатки.

– Собакам – фас!

Какая, к черту, воля,
Когда пришел приказ –
Ни шагу назад!

Я вдруг поймал себя на том, что ногой отбиваю ритм. Музыка, хотя и примитивная, цепляла. Игорь раскраснелся, склонившись над гитарой, он переходил на крик, я мельком увидел Кэти, – она глядела затуманенными от восторга глазами. Она никогда не глядела так на меня!

– Не в небе соль.

Летать дано лишь птицам,

А мы шли по

Прорытой колее.

Тупая боль,

Застрявшая в глазницах

Безмозглых черепов

На проклятой земле....

Пауза. Общий вздох. Музыкант мотнул головой, убирая с глаз длинноватые темные волосы. Опять перебор, одними подушечками пальцев, томящий и долгий.... Я ощущал на губах слова вместе с капельками пота. И припев, медленный, мелодичный, совсем не похожий на судорожный ритм куплета:

– А как хорошо все начиналось! Как хорошо! Как....

Он ударил по струнам и остановился, тяжело дыша, как после быстрого бега.

– А дальше? – кивнул я.

– Это все, – ответил он. – Вам не понравилось?

– А чего ты, собственно, от меня хочешь? Безусловного одобрения? Я все равно не смогу никуда тебя протолкнуть, я не продюсер!

Игорь опять покраснел.

– Я просто хотел узнать ваше мнение, – подчеркнуто вежливо ответил он. А парнишка выдержан, – со странным удовольствием подметил я, – гляди-ка, аж трясется от злости, а отвечает как на дипломатическом приеме.

– Па-авел! – умоляюще протянула Кэти.

– В ваших книгах ведь есть стихи, – тихо добавил Игорь, и я сдался.

– Ну, ладно. У тебя попадается рифма, это безусловный плюс. Насчет смысла я не уверен, нужно посмотреть тексты. Кэти, – кивнул я оторопевшей девушке. – Беги, поставь кофе. – Кэти исчезла на кухне, тогда я повернулся к Игорю. – Посмотрим, что можно сделать.

Игорь сыграл еще одну свою песню, одну – Чижа и две – ДДТ, подозреваю, Кэт успела разболтать ему мои пристрастия. Потом мы часа три пили кофе, болтали о пустяках, он все интересовался, что я пишу, попросил автограф. В начале двенадцатого ушел. Скоро начала собираться и Катерина. Я вышел в коридор проводить.

– Клево, правда? – одевшись, вздохнула она. – А то ты был таким... сердитым, я думала, не возьмешь.

– Тебе он нравится? – с улыбкой спросил я.

– По нем все наши девчонки тащатся, – простодушно сказала она. – Блин, подумать только, станет он звездой, какие у меня будут знакомые! Ты – знаменитый писатель, Игорь – супер–звезда.

А ты будешь замужем с ребенком на руках и хорошо если за приличным человеком, – с неожиданной горечью разглядывая ее, такую жалкую в купленной в сэконд–хэнде синей дутой курточке, подумал я, вспоминая шикарную Светлану. Катя, почувствовав мое настроение, притихла, сама открыла замок.

Дверь неожиданно поддалась, и в квартиру едва не упала Глафира Львовна, несомненно подслушивавшая на пороге. Я вздрогнул. Кэт взвизгнула, отпрыгивая. От Глафиры шел спертый дух пота, перегара и мужского одеколona, загребая ногами, она сделала пару шагов и насмерть вцепилась в дочку.

– Шлюха! – просипела она, – б... немытая! А ну пошла отсюда! Пошла! Лахудра!

Кэти поглядела на меня с таким ужасом, что я, в душе извиняясь перед Мишкой, не мог не вмешаться.

– Глафира Львовна, – беря мамашу под локоть, сказал я. – Отпустите де....

– Пидар! – с изумлением тряся обесцвеченными буклями, заявила она. – Я щас, бля, сюда, с мили–лицией....

Пришлось прибегнуть к тяжелой артиллерии. Я порылся в карманах и вынул пятьдесят рублей, которые вложил в мо-

золистую руку бывшей буфетчицы. Глафира некоторое время тупо глядела на деньги, затем в ее намалеванных глазках вспыхнул огонек узнавания, и банкнота исчезла где-то в недрах необъятной, как родина–мать, груди.

Освобожденная Кэти упала на пол. Дверь захлопнулась.

– Ё–мое! – Катерина тряслась и всхлипывала, прислонясь к шкафчику, я поднял ее, погладил по щеке, пытаюсь успокоить. Мне было безумно жаль ее и в то же время... я был бы рад, если бы она куда-нибудь исчезла вместе со всеми своими проблемами. Она вытерла слезы и мужественно застегнула куртку.

– Спасибо, – сказала жалко. – Я пойду.

Я знал, что должен, просто обязан оставить ее ночевать у себя. И знал, что будет, если об этом узнают (а узнают непременно). С каким-то отстраненным интересом я ждал собственного решения, как тогда, когда Ирина просила у меня денег, и думал, что любой из описанных мною же героев побрезговал бы даже руку мне пожать.

– Тебе есть, куда идти? – пытаюсь облегчить совесть, спросил я напоследок.

– Конечно, Павел Валерьевич, – наигранно бодро ответила Кэти. Меня передернуло от этой официальности. – Пойду к подруге. Не впервой.

– Ну, тогда счастливо, – сказал я. – Не забывай. Приходи с Игорем.

Она кивнула и поплелась к лифту. Я глядел на сник-

шие плечи, на опущенную голову, и уже решил окликнуть ее, когда на площадке отчетливо раздался скрип, и дверь квартиры, где обитала Глафира Львовна, начала открываться. Кэт услышала, обернулась, испуганной белкой метнулась на лестницу, только мелькнули рыжие волосы, и помчалась вниз.

Я подошел к компьютеру, но работать настроения не было, поэтому поставил очередной диск и вытянулся на диване. Плетеный абажур раскачивался, по потолку виляла сеть из теней и светлых пятен. Игорь, – усмехнулся я, как всегда, произнося вслух нужное слово и, как всегда, уже продумывая следующую фразу и следующую – формулируя мысль. Нет, тратить такое дорогое, нужное для написания книг время на рокера, пусть талантливого, пусть многообещающего, я не стал бы. Но в парнишке я увидел... Прокла. Своего немного подросшего Прокла, такого, каким он станет главы через три.

Дело в том, что описать персонаж, сделать его живым довольно сложно. Особенно когда пишешь не вторую и даже не третью книгу, и не хочешь повторяться, но в каждом новом герое все равно с ужасом узнаешь себя, свои словечки, повадки, привычки. Тогда остается один выход – найти человека, я называю его «донором», и писать с него. Не буду объяснять, насколько непросто найти «донора», полностью соответствующего образу. Приходится брать несколько людей и лепить нужный персонаж. Получается скверно. Так

вот, Игорь был копией Прокла. Один к одному. Такую редкостную удачу грешно было упускать! А поэтому Игорь стал необходим мне. И, пока он будет мне необходим, он может рассчитывать на меня целиком и полностью в любых своих авантюрах.

Не знаю, кто как, а я всегда отождествлял писателя с... вампиром. Я тоже всегда голоден. Только мне, в отличие от вампира, нужна не кровь – душа.

Припев

Ливень хлестал открытую степь плетью–тысячехвосткой. Старая арба, хрипя и раскачиваясь, огибала огромные валуны, некогда бывшие верстовыми указателями, а теперь, за древностью лет и по недосмотру правителей, обвалившиеся, донельзя затруднив последнюю часть и без того нелегкого пути. В повозке сидели двое. Средних лет торговец мукой, прокисшим пивом, стеклярусом, и еще бог весть какой всячиной, сердито тыкал длинной палкой в спину мальчишки лет шестнадцати на козлах.

– Давай быстрее, недоносок, иначе пойдешь пешком!

Мальчишка морщился, хмурил темные густые брови, шепотом проклиная духов. Кулаки чесались отметелить торговца, но парень знал, что не справится, и тот просто оставит его в диких краях на корм койотам.

Торговца звали Тейпо, и он был такой же неотъемлемой

частью этих степей, как выбеленный солнцем ковыль. Он доикоты боялся не успеть в Угу, столицу герцогства Мероккью, к закрытию городских ворот, и остаться на ночлег на выселках, жители которых пробавлялись тем, что обдирали до нитки путешественников. Мальчишку звали Прокл.

Он выбрался из предгорий в степь два дня назад, так и не сумев отделаться от привязавшегося духа. Это его совету Прокл был обязан путешествием в обществе Тейпо; и он до сих пор не решил, так ли уж хорош совет. Трусливый и наглый (великолепное сочетание!) торговец с каждой верстой надоедал все больше, зато Уга становилась все ближе.

Дождь сместился к югу, в предгорья хребта Дракона. Солнце садилось, и повозка, отчаянно скрежеща, пыталась его догнать. На замглившемся небе по одной выступали еще неясные звездочки Королевств. Темнело.

Они как раз проезжали одинокого опаленного солнцем холма, почти лысого, изрезанного глубокими тенями, когда Тейпо привзвизгнул, дотянулся до Прокла палкой и что было силы ткнул его.

– Гони!

Они не успели. Послышался топот копыт, и на дорогу вылетели двое верховых.

– Стой!

Прокл обреченно натянул вожжи, и арба остановилась. Краем уха он слышал, как Тейпо вполголоса воет и молится. Неожиданно над самым ухом раздался знакомый писк.

– Не повезло, а я надеялся довести тебя в Угу без препятствий, – волшебный комар серебряной блестящей кружил в темном воздухе. – Это грабители, мальчик, ты только не бойся, вылезай из повозки и сиди тихо.

Прокл выругался сквозь зубы и соскочил с арбы, не обращая внимания на задушенные вопли купца. Всадники подъехали вплотную, один из них тащил что-то на аркане. Он дернул веревку, и на дорогу из кущи бурьяна выползло какое-то существо. Солнце уходило, держась напоследок над дальними холмами, весь горизонт был залит огненно-алыми сполохами. В этом кровавом свете перепуганный Прокл увидел мальчика, возможно, своего ровесника, замученного, со сбитыми в кровь ногами и черными ссадинами на коленях. Прокл представил себя на его месте и затрясся.

Тем временем всадники спешили, вытащили купца и теперь потрошили повозку. Это были два здоровых обросших мужика в штанах из оленьей кожи и явно не своих шелковых рубашках, подпоясанных цветастыми женскими шальями. Один, повыше и костлявее, держал в руке булаву, за безразмерный пояс второго, которого Прокл прозвал пивной бочкой, был заткнут тесак. Обычно такой деловой купец, прислонясь к боку выпряженной меланхоличной клячи, казался тише мыши.

– Серебро, золото? – высокий взял Тейпо за грудки и встряхнул. Челюсти купца громко клацнули. «Бочка» взвизгнул на свою лошадь мешок с награбленным, и резко дернул

привязанный к седлу аркан, заставив пленника со стоном подняться. Тот сделал несколько шагов следом, но, как только веревка ослабела, рухнул на дорогу. Прокл вздрогнул.

– Ну, есть что? – алчно спросил «бочка».

– Ни шиша, – угрюмо ответил первый, подбрасывая в ладони какие-то гроши. – Вот, пара медяшек....

Лицо его изменилось так страшно, что купец взвыл в голос:

– Не убивайте! Не убивайте, господа, смилуйтесь, за меня выкуп дадут! Прошу вас, не убивайте, не надо!

– Не бери арбу, – сказал второй, – привязывай торговца на его клячу и поедем, поздно уже.

– А где мальчишка? – костлявый покрутил головой и, увидев Прокла, кивнул ему: – А ну, поди сюда, сорванец.

У Прокла сердце ушло в пятки, и он не двинулся с места.

– Да он ничего не стоит, хлипкий, дешевка, – нервно произнес второй. – Себе дороже таскаться с ним.

Он дернул веревку. Пленник на другом конце не шелохнулся.

– Брось его, – брезгливо сказал костлявый. – Надо возвращаться. Хватит с нас купца. А гаденыш меня уже достал!

Он за шкурку подхватил зажмурившегося и поджавшего ноги купца, швырнул его на клячу, примотал веревкой, вскочил в седло и, дергая клячу за поводья, поехал в степь. «Бочка» с кряхтением влез в седло, перерезал аркан и двинулся следом. Когда они скрылись, Прокл, крадучись, подбежал к

лежащему пленнику. Перевернул его. Маленькая рука с растопыренными пальцами взвилась, целясь мальчику в глаза. Прокл отшатнулся, закрывшись локтем.

– Разбойники уехали! – закричал он. – Я не с ними!

Пленник медленно сел. Он был щуплый, в рванье, весь вываленный в пыли, но светлые глаза, один из которых почти скрылся под набухшим фингалом, непокорно сверкали.

– Поговори с ним, – пропищал комар на ухо.

– Ты кто? – послушно спросил Прокл, стараясь, чтобы голос не ломался. Звезды Королевств и Маркары поднимались все выше, заливая степь призрачным светом. Знобящий ветерок ерошил волосы. Начиналась самая глухая пора, пора койотов, и Проклу становилось все страшнее и страшнее.

– Лемис, – неприятно резко сказал пленник.

– А меня зовут Прокл, – ответил мальчик. – Ты откуда?

– Я – лемис, – уже удивленно повторил заморыш.

– А я – Прокл, – зло сказал мальчик. – Не хочешь говорить, не говори. Твое имя я запомнил.

– Я лемис, – заморыш рассмеялся, престранно прищелкивая. – Это не имя, молодой воин, это народ.

Польщенный тем, что его назвали воином, Прокл сел на корточки и протянул пленнику руку.

– Пошли, разожжем костер, скоро выйдут волки.

Тот отшатнулся.

– Меня нельзя трогать! – залепетал он.

– Прокаженный, что ли? – мрачно осведомился Прокл,

борясь с искушением поймать волшебного комаришку и прихлопнуть. Мало было ему купца и разбойников!

– Нет, – с достоинством ответил пленник. – Я лемис.

Прокл подумал, что более гнусного имени не встречал.

– Вставай, разожем костер! – с отчаяньем возопил он. Волки! – мальчик скорчил устрашающую гримасу. – Звери! Скоро появятся.

Заморыш со стоном поднялся.

– Веди, молодой воин, – срывающимся голосом сказал он.

Они пошли к арбе, где Прокл отобрал съестное из скарба Тейпо, а остальное свалил в кучу, вытащил из котомки кремль и трут, и поджег. Заморыш за обе щеки уплетал черствый хлеб, часто прикладываясь к меху с водой. Зубы у него были великолепные, засохшие корки так и трещали.

– Меня зовут Ленор, – поев, представился он. – Я...

– Лемис! – обреченно вымолвил Прокл.

Заморыш оживился.

– Знаешь, а мы, лемисы...

– Я знаю, что скоро придут волки, – оборвал мальчик. –

А до утра топлива нам не хватит.

Ленор втянул ноздрями воздух и уверенно сообщил:

– Койоты сюда не придут. Они сегодня охотятся у Пяти оврагов, там на ночной выгон повели лошадей.

– А ты откуда знаешь? – изумился Прокл. От занудной фразы его передернуло:

– Я лемис.

Куплет

Он шел домой по ночному городу, курил, изо всех сил пытаясь успокоиться. Накрапывал дождь, и в черном глянце отмытого от накипевшей за зиму глинистой грязи асфальта отражались теплые желто-оранжевые огни фонарей. Пахло весной, бензином и мимолетными сладкими духами: Игорю казалось, будто он нащупывает в ночи чей-то легкий след. Он вошел в квартиру, стараясь не шуметь, но мать все равно услышала, вышла в коридор, зеленый неяркий свет делал ее рано постаревшее лицо желто-серым, словно срез хозяйственного мыла.

– Ну, как? – спросила устало. Она работала медсестрой в кардиологии, в две смены, пытаясь хоть как-то содержать семью. Муж бросил, Игорек, надежда и опора, подрабатывал, но так и не смог найти постоянную хорошо оплачиваемую работу, а тут еще эти бредни с песнями....

– Не знаю, ма, – абсолютно искренне пожал плечами Игорь. Мать ждала подробностей. Каких? Ну, послушал, дал понять, что неплохо. Все это было не то. Каждый, кто слышал его песни, говорил, что они великолепны, либо полное дерьмо, в общем, отзывались в меру своих сил и способностей. А Игорь надеялся найти не стороннего слушателя, – брата, такого же, как он сам, способного понять, почему он

не может не сочинять, почему поет именно так. Но Павел Валерьевич мгновенно выставил барьер, отделивший масти- того писателя, классика, мать твою, от рокера с улицы. Игорь был зол, разочарован и полон протеста. Больше всего на свете ему хотелось реванша, но матери знать об этом было совершенно не обязательно. – По-моему, все отлично! – бодренько сказал Игорь и поспешил скрыться в своей комнате. Там он врубил магнитофон, и под исходящую криком «Гр. Об» минут пять пинал чехол от гитары. В конце концов по батарее забарабанили соседи снизу, парень шмякнул ботинком о трубу, выключил музыку и, почти успокоенный, вышел в коридор.

Вечер начался слишком скверно, чтобы этим его закончить, требовалось что-то более существенное. Мать возилась на кухне с тарелками, запахло подливкой, у Игоря свело желудок, так он хотел есть. Стараясь не обращать внимания на запах, он простучал пальцем по кнопкам на телефонной трубке, набрал номер. Длинный гудок, Игорь чуть не выматерился с досады, Стаса не было дома. Мать вот-вот должна была выйти кликнуть его ужинать, он схватил с вешалки куртку, нащупал ключи и сигареты, и выскользнул за дверь. Ребята наверняка были в «Орде».

Дождь перестал. Где-то за домами ехала машина, свет фар скользил по окнам девятиэтажки, и казалось, будто внутри дома блуждает шаровая молния. Кафе еще издали узнавалось по громкой музыке: играло радио, «Европа +», нечто

стремительно–бойкое, и Игорь прибавил шагу, настроение начало подниматься. У входа болтались «ордынцы», кто курил, кто просто вышел на холодок освежиться.

– Хай, Вар!

Игорь приветственно вскинул руку. В ответ раздалось несколько возгласов, тут же спросили прикурить. «Вар», или, точнее, war в переводе с английского означало «война». Так музыканта звали те, кто давно и хорошо его знал. Игорь не любил свое имя, предпочитая называться на скандинавский лад Ингваром или, сокращенно, Варом.

– Общий пламенный, – кивнул он, одалживая зажигалку. – Стас здесь?

– Не пробегал, – повел костлявыми плечами Троль, студент худграфа. Помешанные на «фэнтези» тусовке нравились: у них был свой стиль. Троль таскался с выточенным из лыжной палки мечом, обвешанный феньками и обожал, покурив травки, задавать туманные вопросы об устройстве мироздания. К тому же великолепно рисовал, а главное, без сожаления дарил свои картинки. Увидев его без привычных кожаных ножен за спиной, Игорь удивился:

– А где же твой эспадон, Троллище? – хохоча, он хлопнул его по плечу. – Пропил, наконец?

– Не эспадон, а акинак, – внушительно проговорил Троль. Игорю это ни о чем не говорило. С таким же успехом меч мог оказаться и катаной. – Он затупился, надо подточить.

– Потому что я – горец! – воскликнул Игорь. Все засмеялись, только Тролль помотал головой:

– Я не горец, я тролль.

С таким же успехом он мог назваться и эльфом.

– Лады, – кивнул Вар. – С тебя автопортрет. Э, черти, отдайте зажигалку, курить охота!

На лестнице, ведущей в оборудованный подвал кафе, раздались шаги и смех, и вместе с клубом сизого дыма на улицу поднялись девочки. Игорь с удивлением увидел парочку новеньких: вообще-то обыватели обходили «Орду» десятой дорогой, она считалась тем еще заведением. Девочки, – одна из них, повыше, крашенная блондинка, очень даже ничего, – были в подпитии, держась за руки, они начали подходить к каждому, знакомиться и просить сигарет. Но тут изнутри вприпрыжку выбежала Люси, бросилась на шею Игорю.

– Привет, братишка!

Они потерялись носами, отдавая дань растаманскому обычаю, рассмеялись, с искренним удовольствием разглядывая друг друга. Люси училась в Москве и домой приезжала раза два в месяц, ее братом был Лешка, он же Вождь, он же Санта – святой, «духовный брат» Игоря.

– Ну, как твое ничего?

– На месте. А где Вождь?

– Дома отсыпается, – фыркнула Люси. – Они вчера подшабашили, и на радостях это дело отметили, Лешка домой

привалил только сегодня к вечеру, и то на бровях. А ты Кэт не видел?

– Не-а. Сам Стаса ищу.

– А он внутри, тебя, кстати, спрашивал.

Тут приплелись две новеньких. Уже не клянча сигарет, они начали ныть, чтоб Люси познакомила их с Варом: откуда-то они узнали и ее и его имена. Светленькая при ближайшем рассмотрении оказалась мымрой, вторая и того хуже, поэтому Игорь быстренько смылся в кафе.

Полутемное нутро «Орды» гудело и шевелилось. Ордынцы покупали пиво и закуску, болтали и курили, бренчала новенькая электронная касса, бренчали две гитары у музыкантов за дальним столиком, и все это перекрыл жуткий рев Панка:

– Вар–pp!

– Привет, – безразлично откликнулся Вар, выглядывая Стаса. Он не любил Панка в подпитии, а сейчас тот был не только под градусом – еще и накинул грибов–галлюциногенов не один десяток, даром что по весне они стоили по три рубля штука, а на дозу уходило больше двадцати штук.

– Вар–pp, – продолжал выкликать Панк, – ты чего, бля, не подходишь, не чоломкаешься? В морду захотел?

Вара заметно передернуло. Приятели Панка попытались было осадить его, но тот просто отмахнулся, опрокинув со столика пустую кружку и кучу пакетиков с чипсами, и полез к Игорю. Тот, внутренне холодея, следил за тем, как хо-

дят мускулы на накачанных предплечьях, обтянутых легким свитерком, и думал о том, что скверный день должен был закончиться именно так и никак иначе. Панк запросто мог свернуть бампер один ударом своего огромного, поросшего рыжим ворсом кулака; Игорь на мгновение представил свое лицо на месте бампера. Надо было уносить ноги, на пьяного Панка никакие уговоры не действовали, но какая-то идиотская гордость приковала Игоря к месту.

– Ну, ты чо, самый крутой?

Вопрос риторический. Панк возвышался над Игорем, глядя ему в макушку, и ждал, когда он полезет драться. Игорь драться не лез. Но и улепетывать не стал.

– Ты не видел Стаса, Панк? – буднично поинтересовался он. – Я его весь вечер пытаюсь откопать – заманался.

– Не, – помотал косматой головой Панк. Налитые кровью глаза медленно остывали. – Я сам пришел недавно, – он повернулся и пошел к своему столику.

Откуда-то тут же вынырнул взвинченный Витек.

– Ну, ты даешь! – в синих глазах блесло восхищение. – Я думал, он тебя отметелит. Что ты ему сказал?

– Да так, ничего, – отмахнулся Игорь. – А Стас где?

– Пошли, – Витек за рукав куртки потянул его на выход. Они свернули за соседний дом, зашли в подъезд следующей пятиэтажки. Дверь закрылась, и в полной темноте зажглись сразу несколько зажигалок. Игорь узнал Стаса, Кэт, Крэша: за исключением девчонки, вся группа была в сборе, поэтому

вместо приветствия они услышали от Игоря обыденное:

– Когда репетиция?

– Да хоть сейчас, – отмахнулся Крэш.

– А что вы тут собрались, не в «Орде»? – Игорь замолчал, когда Стас поднес к свету два косяка с планом.

– Куришь?

– Ты еще спрашиваешь!

Травка оказалась забористой, через пятнадцать минут все уже покатывались со смеху, потом им захотелось есть, потянуло на улицу. Решили пойти к Витьку, взять гитару, прикупить чипсов и куда-нибудь забуриться. Но, не успели ребята подойти к «Орде» (Витек жил в том же доме), – навстречу вынесся Кян.

– Народ, давай к Неону, скины наших лупцуют!

Кэт завизжала не то от ужаса, не то от удовольствия, потому что потасовки не было давно, и все ее ждали, а ребята помчались к Неону – магазину, первым в городе обзаведшемся неоновыми вывесками и рекламой.

Они попали в самое пекло. Скинов было двадцать, эти накачанные бритые братки умели драться, Крыс уже валялся у входа в Неон, хватая воздух ртом, как издыхающая рыба. Но ребята успели вовремя, засвистела цепь, мелькнула чья–то финка, и бритоголовые начали отступать в свой квартал. Они все были на ногах, хотя и порядком избитые. Потом какая–то бабка выглянула из окна, заорала «звоню в милицию!», и скины бросились бежать. Ордынцы – вдогонку.

Игорь подобрал кусок арматуры и вмазал ближайшему бри- тоголовому, но не успел вернуться к своим, его ударили кастетом в голову. Что-то резкой болью скользнуло по виску, вспышкой зеленых кругов отозвалось в глазах, и музыкант упал на дорогу. Его оттащили в кусты и долго били, отыгрываясь за поражение, пинали тяжелыми подбитыми шипами ботинками, тело Игоря отзывалось дрожью на каждый удар, но сам он почти ничего не чувствовал.

За домами взывала сирена, и его оставили в покое. Пора было сматываться, skins разбежались, ордынцы вернулись к Неону за Крысом. Ему пропороли бок, он был без сознания. Пока прошедший Чечню Сазан – любитель жареных аквариумных рыбок, умело перетягивал рану чьей-то футболкой, Кян с Тишей метнулись в ближайший двор. Через минуту послышался шум машины. Ребята вскочили, думая, что приехали менты, но из проходного двора вынырнул обычный старенький москвич. Дверь распахнулась, вылез трясущийся дедок, следом – Тиша.

– Да, дела, – побряхтел дед, разглядывая бледно-зеленого Крыса. – Давайте, ребятки, грузите его. Поехали.

– Куда? – встопорщился еще не отошедший после стычки Витек.

– В больницу, куда ж еще, – хмыкнул дед. – Не подыхать же ему тут, как собаке.

– Слушай, папаша, – Сазан угрожающе поднял голову. – Не каркай. С ним все будет в порядке, ты понял?

Дедок струхнул, покивал и нырнул в москвич. На заднее сиденье рядком уселись трое, бережно взяли на колени Крыса. Когда машина скрылась за домами, ордынцы разошлись. Приехали менты, постояли, суматошно сигналив, поглядели на лужицу крови на ступенях Неона и уехали, не найдя ни преступников, ни жертвы. Игоря просто забыли: в тени разросшегося скверика его не было видно, и ребята решили, что он давно ушел домой.

Заморосил дождь, и Вар начал помаленьку приходить в себя. Он перевернулся на спину, открыл рот, чтобы туда попадали прохладные капли. Голова гудела, а левого виска он вообще не чувствовал, удивленно подняв руку, провел по голове... Пальцы нащупали корку запекшейся крови, но Игорь не ощутил ни прикосновения, ни ожидаемой боли, это напугало его больше, чем размозженная голова. Человек мнительный, он тут же вообразил, что у него что-то ужасное случилось внутри: какое-нибудь кровоизлияние, и теперь из-за неладов с мозгами он обязательно загремит в психушку и уж, во всяком случае, не напишет больше ни единой песни. Страх заставил его подняться и выползти из тени на дорогу, идти он все еще не мог.

Потревоженный квартал медленно засыпал, гасли огни в домах. Дождь пошел сильнее, и стало ясно, что он не успокоится всю ночь. В начале четвертого тишину распорол стук бегущих шагов. Игорь сидел на ступеньках Неона, тяжело переводя дыхание, он даже не представлял, как доберется

домой, в голове после каждого движения начинался вой, точно в стереоаппаратуре от перегрузки. Над ним кто-то замаячил. В глазах все плыло, дождь размывал очертания невысокой фигурки, и Игорь подумал, что вернулись skins его добивать, но ему уже было все равно.

– Вар! – придушенным девчоночьим голосом вскричала фигурка. – Вар, миленький, что с тобой?!

Нежные замерзшие ладошки приподняли его лицо, и на Игоря глянули глаза Кэти, огромные, темные от боли и тревоги. Мокрые волосы струились по ее лицу, мешаясь с дождевой водой и слезами.

– Вар! – всхлипнула она. Тогда Игорь разлепил опухшие губы и пробормотал, чувствуя, что во рту солоно от крови:

– Все отлично, Кэти....

Не слушая, она растегнула его куртку, подняла свитер, и тут же закусила губы, глуша рвущийся наружу визг: все тело было в жутких, наливающихся лиловым кровоподтеках.

– Мне нельзя домой, – сказал Игорь.

Кэт кивнула.

– Да, я понимаю, – у нее исчезал голос, она боялась, что сейчас разревется. – Обопрись на меня, пошли, – вдруг решила она. – Павел живет через дом, мы пойдем к нему, он поможет, обязательно поможет! – она успокаивала не столько Игоря, сколько себя.

Будь Игорю хоть немного легче, он бы ни за что на свете не явился к Павлу Валерьевичу в подобном состоянии. Но

сейчас он готов был идти хоть к черту на кулички, лишь бы кто-нибудь убрал из его головы этот режущий вой. Цепляясь за девушку, он поднялся, повис на ее плече. Кэт пошатнулась, чуть не падая (Игорь оказался очень тяжелым), выругав себя, выпрямилась, и они, спотыкаясь, побрели через дворы к девятиэтажке писателя.

—

Звонок бил по ушам, будто какой-то идиот навалился на него и давит, и давит. Спросонья ничего не понимая, я выскочил в коридор, распахнул дверь... Игорь свалился прямо на меня.

— Я его прислонила, — оправдывалась насквозь мокрая Кэти. Ее была нервная дрожь, зубы клацали, руки тряслись. — Павел, помоги!

— Зайди, — сказал я, придерживая Игоря.

— Ты pomoжешь? — спросила она. Не отвечая, я втащил Игоря в комнату и положил на диван. Включил свет и... охнул, ошеломленный. А я-то думал, парень всего лишь перепил лишку! Уже хотел устроить разнос за то, что пришли ко мне, вот был бы хорош! Первое мое движение было к телефону, я набирал скорую, когда услышал на пределе слуха хриплый шепот: «не звоните, пожалуйста...». На меня уставились черные запавшие от боли глаза, господи, ведь только пару часов назад в них прыгали живые огоньки вместо этой обреченности и холодного ужаса! Меня словно крупной наждачкой продрало по нутру, и самое скверное заключалось

в том, что собственного страха не то, что показать, – даже почувствовать было нельзя. Иначе все. Паника. Каюк.

– Кэти, закрой дверь и поставь чайник, – скомандовал я. Девчонка побежала на кухню, все правильно, ее нужно отвлечь, занять делом. Что теперь? Что в таких ситуациях все эти чертовы герои вытворяют?! Им хорошо, они хоть в ранах разбираются, а из меня лекарь, как из блохи Тарзан. – Я сейчас позвоню своему приятелю, – уверенно сказал я парню. – И мы этот казус быстро уладим. Ты слышишь?

– Да, – с запинкой откликнулся Игорь, а затем, осознав себя в полной безопасности, потерял сознание.

– Счастливчик, – процедил я сквозь зубы, набирая Мишку. – Алло? Да, это я. У меня порядок, но мне требуется врач. Да, Мишок, срочно, только не из больницы. Иначе... придется вытаскивать труп из квартиры. Нет, не приезжай, не надо, а впрочем... как хочешь, – устав от вопросов, сдался я. – Окей, жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.